

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Алексей Алексеевич Боровой
П.А.Кропоткин (речь)
1922

Сборник статей, посвященный памяти Петра Кропоткина.
Под ред. А.Борового, Н.Лебедева. Пб.; М.: Голос Труда,
1922.

ru.theanarchistlibrary.org

П.А.Кропоткин (речь)

Алексей Алексеевич Боровой

1922

¹Смерть великого человека - есть начало его новой, углубленной, подлинной жизни.

Только со смертью многочисленные и многообразные творческие пучки, образующие наш жизненный процесс, слагаются в тот своеобразный законченный синтез, в котором только и возможна - в пределах неизбежной относительности наших суждений - наша полная человеческая мысль, наша полная, до конца идущая оценка.

Смерть подымает во весь рост - то, что в личности было действительно оригинальным и незабываемым. Из смерти вырастает «творение» нашей жизни и ему открывается историческое бытие, не ограниченное более узкими рамками человеческой жизни.

Так открывается суд и для дела того великого человека, почтить которого мы сейчас собрались.

Среди великих натур, волновавших и потрясавших своих современников, Петр Алексеевич принадлежал к числу тех,

---

¹ Фрагменты речи, произнесенной в Москве 8 февр. 1922 г. на вечере посвященном памяти П. А. Кропоткина. Восстановлены по памяти.

и притом совершенно исключительных, которые силой внутреннего гения сумели подняться над тем, что принято называть творением мыслителя, в собственном смысле этого слова - его убеждениями, теориями, мечтаниями и обратить в творение самую свою жизнь.

И жизнь Петра Алексеевича, независимо от специфической насыщенности ее исключительными событиями, есть поистине непрестанное становление, непрестанное утверждение себя в духе своего внутреннего исповедания.

Петр Алексеевич был не только огромный мыслитель, не только авторитетнейший и проникновеннейший апостол анархического учения. В течение многих десятков лет он сам, всей своей жизнью - и в общих линиях ее и в подробностях отдельных актов - был живым воплощением своего учения, был живой неотразимой совестью для всех, так или иначе соприкасавшихся ему, даже далеко за пределами полного с ним единомыслия.

Потому он с полным правом - как это ни удивительно для человека его духовного роста, масштабов - может быть назван одной из самых гармонических натур, которые когда - либо знало человечество.

Великость мысли, величие духа не даются даром.

Способность созерцать глубины, недоступные обычно человеческому духу, способность заглянуть в бездны, без того, чтобы кошмарное чудовище, сидящее в глубинах колодца, не смутило вас своим неожиданным откровением, достаются на долю немногих вождей человечества.

Великий трагизм избранных - в том, что им ведомы такие искушения, такие соблазны, которые превосходят на много силы среднего человека.

Какое счастье открыть истину для себя! Подчинить ей все сомнения, все ищущее, все колеблющееся в себе и с этим, неодолимым в человеческих планах оружием, плыть

анархические ценности, и там - и еще более там - где он выступает, как вдумчивый, критически настроенный и все-сторонне вооруженный ученый - он выступает всегда на преодоление жесточайшей антиномии между «я» и «не я».

В наиболее научной и наиболее ученой из своих социологических работ - «Взаимопомощь» - этой бесконечной поэме любви, человеческой гармонии, он учит, как весь мир, мир людей и животных образует одну гигантскую федерацию взаимной помощи, как весь он проникнут чувством солидарности, как в этом чувстве и только в нем заключены возможности социального выживания, отбора и социального прогресса.

И в свете его всеочеловечивающего учения, человек перестает быть изолированным атомом, исторической пылью и вырастает в живого самоосвобождающегося радостного творца; общество перестает быть мертвой механической суммой отвлеченных, надорганических, бесплотных лиц, а становится живой, вечно движущейся, творческой реальностью.

Учение Петра Алексеевича - не романтическая вспышка, не надуманный энтузиазм, но действенный восторг перед кипучей, неодолимой творческой энергией природы, которая весь космос, все неисчерпаемое многообразие слагающих его бесконечно малых наполняет одним общим чувством - чувством солидарности.

И сам Петр Алексеевич и вся его жизнь были таким вечно кипящим, брызжущим родником этого чувства.

И потому приобщение к творчеству и жизненному примеру Петра Алексеевича останется навсегда для нас источником просветления, творческого сознания, радости!

Тихой посту
пью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз Впереди Иисус Христос!

Да, подобно величайшему из человеколюбцев, молчаливо, любовно, не омоченный шалой человеческой кровью, над драмами, подвигами и гнусностями сегодняшнего дня, перед мятущимися, то парящими к облакам, то падающими в грязь, вождями революции - шел он своим путем, никого не насилуя, никого не оскорбляя, но ни в чем не уступая и увлекая за собой лишь силой своей незапятнанно - чистой, всех освобождающей правды².

«Правда» его - известна всему миру. Но лучше всего, в немногих словах, может быть она выражена в формуле, бывшей задушевной заповедью великого русского мыслителя: «При полном реализме найти в человеке человека».

Здесь – вся его правда, весь его анархизм.

Понять в себе человеческое; определить свое человеческое назначение - внутренними, адекватными личным чувствам мотивами, а не извне навязанными принудительными санкциями и кодексами, мотивами солидарности, гуманности и затем это человеческое почувствовать не только в себе, но и в другом, стоящем рядом – вот анархическое credo Кропоткина.

Как определить - где «кончается одна личность и начинается другая?». Может-ли это сделать наука, политическое мировоззрение, партийная программа?

Нет! И потому и там, где Кропоткин выступает, как апостол анархизма, испытанный и непримиримый борец за

² Это чувствовали в нем и ранее другие люди, и в общественном смысле, быть может, его антиподы. В вдохновенной покаянной (De profundis) Уайльд, умиленный высокой красотой жизни Кропоткина, именует его вторым Христом.

по беспорядочному, пестрому, обильному загадками и падениями жизненному потоку.

Какая радость - еще несравненно высшая, несравненно более утоляющая - суметь сделать свою истину еще истинной других, видеть ее торжество над частными, конкретными условностями; прозревать ее будущую, в человеческих представлениях, быть может, бессмертную жизнь.

Но здесь и стерегут великого зачинателя - провозвестника истины - бездны.

В то время как у рядового человека начинается упокое и радость сменяет - то томительно - монотонный, то лихорадочно - порывистый период исканий, к великому человеку приходит новое и последнее ли еще искушение?

Это - невольный скептицизм, даже не скептицизм - это не настоящее слово - но какое-то из самых глубей человеческого существования идущее сомнение - истина-ли открыта? Та-ли истина, истина с большой буквы, истина всех истин, которой дано разом осветить весь путь, в которой смысл и предшествующего и последующего, истина, которой суждено, наконец, подлинное бессмертие; истина - источник высокой творческой радости?

Пусть с огромной силой, с непреодолимой страстностью убеждения, с той художественной законченностью, которая уже одна свидетельствует о силе откровения, гении и вожди, учат мятущееся человечество своему открытию! В тайниках творческого духа таится уже ядовитый червь сомнения, который точит, гложет, родит беспокойные ночи и вновь бьет мыслителя несмиримой творческой дрожью.

Кто из вождей не знал - противоречий, встречающих каждое и самое гордое человеческое утверждение? Можно-ли было бы указать хотя одну великую творческую мысль, одну великую философскую систему, за которыми не стояли бы смущающие человеческий ум условности?

Кто не знает, какие мучительные разрывы именно здесь, на этой почве возникали между учителями истин и их благоговейной паствой? Какое томительное чувство безнадежной пустоты овладевало вождем, когда «его» истина становилась достоянием других, делалась добычей педантов, учеников - послушных, кротких, благодарных, но столь далеких учителю, даже и не думающих о том, что для него встает уже новое небо, а достигнутое лежит перед ним не как полная истина, а лишь частная малая ступень к новому, дальнейшему, еще неведомому, но уже поработавшему своей предчувствуемой красотой и мозг, и сердце и волю искателя.

И сколько среди вождей было таких, которые или вообще отказывались от своих ранних детищ или пали под тяжестью «своих» истин, облагодетельствовав других.

Да, великие люди должны испытывать на земле великую грусть и не только тогда, когда они остаются непонятыми современниками - это меньшая боль, - а тогда, когда истина их в усвоении и приятии других острее своим обращением против творца. И в то время как истину искателя жадно и пышно встречают, в его груди зреет катастрофа.

От этой страшной неисцелимой язвы был всегда свободен Кропоткин.

Никогда, нигде, во всем творении его жизни и в самой жизни - не услышите вы ни одной ноты разочарования или сомнения в той «вере» - слово, им особенно любимое - которая начала светить его путь с первых шагов его сознательной деятельности.

Между тем - он испытал в полной мере глубину и горечь трагического.

Это трагическое - целомудренно, согласно с представлениями его о нравственном долге - схоронено в тайниках его души.

Сколько покажется достаточным для опровержения этой «веры» - пожав плечами, сослаться на «историческую необходимость», как будто, «исторических необходимостей» не столько, сколько имеется налицо в данный момент партийных мировоззрений, как будто «историческая необходимость» - не та же «вера», субъективная, недоказуемая...

Но сейчас - дело не в полемике с теми или другими воззрениями.

Я говорил об этом письме только потому, что так «верить», так безгранично надеяться на конечное и близкое торжество своих идеалов - почти накануне своего 80-летия - может только подлинный и великий революционер, не только верящий в свою правду, но еще и не уставший от борьбы за нее.

Так писать - мог только воистину гармонический человек, который мудро, достойно, любовно - без мелкого злопыхательства, политиканства, ненавистничества - сумел изжить в себе трагические противоречия великой эпохи.

Мог и сумел изжить потому, что он провидел уже те пути, которые для нас заволоклись колючей или плоской обыденщиной, на которые мы ступить не можем в силу нашего собственного несовершенства, но вместе не пускаем и других, опасаясь за их несовершенство.

И тогда, когда думали, что Кропоткин устал, отстал, ушел назад - он шел уже далее нас, впереди нас, пролагал ту тропу, на которую неминуемо вступим мы, когда окончательно прозреют наши глаза и совесть.

Когда я вспоминаю последние дни Кропоткина - невольно мне вспоминается образ, созданный глубоким гением безвременно угасшего поэта:

И за вьюгой невидим,
И от пулей невредим,

учреждений, долженствовавших учить народ, трудящиеся массы - как надо разрушать, как надо делать революцию.

Кропоткин чувствовал эту бессознательную, а иногда и сознательную мистификацию, от которой, по убеждению его, революция должна была пойти на ущерб и от которой пошли - для него - напрасные и долгие вереницы жертв.

Исполнилось то, о чем он пророчески писал: «...Одного разрушения недостаточно. Нужно также и уметь создавать. Народ всегда оказывался обманутым во всех революциях именно потому, что недостаточно думал об этом созидании».

Но там, где мрачный и внутренне противоречивый гений бросил бы проклятие цивилизации, не стоящей «слезинки ребенка», гармонический гений Кропоткина все же укрепил и сохранил в целостности его веру.

Уже в последние дни свои - в мае 1920 г. - он пишет одному из младших товарищей своих письмо, полное безгранично - свежей, юношески-наивной, глубокой, увлекающей веры в будущее.

«...Я глубоко верю в будущее» - начинает он свой прогноз в этом письме. Он «верит», что в ближайшие пятьдесят лет синдикальное движение сумеет «приступить к созданию коммунистического, и безгосударственного общества». Он «верит», что в эти же пятьдесят лет «русское крестьянское кооперативное движение» представит «живучее творческое ядро коммунистической жизни». Он «верит» и в то, что найдутся силы, которые сумеют «оформить, разработать, обосновать их, помочь им обратиться из орудий самозащиты в могучие орудия коммунистического преобразования общества». Он «верит», наконец, что народы «разбившись на малые государства, начнут вырабатывать в некоторых из них безгосударственные формы жизни»...

О! Скольким - и прежде всего «централизаторам» - письмо такое покажется неубедительным, наивным, утопиче-

Социальная революция пришла - вопреки всем научным формулировкам, теориям и схемам, вопреки трафаретным представлениям социалистической мысли из величайшей мировой катаклизмы.

Теперь, когда патентованные доктринеры революции сочинили кучи апостериорных законов, стало ясным, доказанным и необходимым то, что обычно и еще незадолго перед самой революцией, казалось невозможным и недоказуемым.

Однако, революционеру, и тем более одному из вождей революционной мысли, оставалось одно - принять революцию, сколь неподготовленными нас бы ни застала эта, столь долго ожидаемая и вместе столь нежданная гостья.

Но принять социальную революцию - значило принять также все, что было с ней - и, то, что было, ее органическим порождением и то, что было, быть может, ее уродливым придатком: и централизованное государство с деспотическими щупальцами на местах, и партийную указку, доктринерски выношенную в кабинете, подкрепленную санкциями, тюрьмами, террором. А... главное, главное ему - пронизательному, изощренному наблюдателю, вооруженному глубоким и разносторонним социологическим и историческим знанием, огромным личным опытом, одаренному глубокой непогрешимой интуицией революционера - было ясно уже с самого начала, что величайший народный подъем, вольнолюбивой стихией разлившийся по стране, сносивший до конца все, что столетиями гнело чувства, совесть, всю жизнь народа, усилиями самих же революционеров загонялся в искусственно надуманное, узкое, фальшивое русло законности, отдавшей все творчество в руки привилегированных просветителей.

Не в частичном улучшении положения трудящихся масс, не в освобождении их от искушающего гнета полицейского самодержавия, не в перераспределении по социалистиче-

скому катехизису их прав и обязанностей, но - в последнем освобождении человека от чуждых, извне приносимых и навязываемых ему санкций - видел Кропоткин великую цель революции.

Революция должна была покончить с убивающим человеческую свободу фетишизмом не для того, чтобы строить новые фетиши, как бы ни был высок или драгоценен материал, на это употребленный.

«...Социальная революция - писал он однажды - должна быть созидательницей новых форм общественной жизни, а эта созидательная сила может явиться только из самой среды народных масс - от тех, кто сам своими руками добывает, обрабатывает и изменяет продукты природы и образует в своей совокупности общество производителей.

Созидательная сила социальной революции не может явиться из книг и ученых трактатов. Книги — это прошлое, они могут, иногда, разбудить дух критики и возмущения. Но они совершенно не способны предсказать будущее и начертать план новой жизни. Для этого необходимо следовать внушениям *самой жизни*». (Курсив — П. А. К.).

Между тем с ростом и укреплением революции Кропоткин видел - нарождение и укрепление нового великого фетишизма, несравненно более соблазнительного, неотразимого и опасного, чем все его прежние ипостаси, ибо он шел под революционной маской и внешне, видимо для всех, нес высокий освобождающий смысл.

Кропоткину, в течение десятилетий возглавлявшему могучее течение революционной мысли, разумеется, не могли быть страшны ни кровь, ни творческое разрушение, которое должно было поколебать сверху донизу основания старого общества.

Он сам учил в вдохновенных словах, что революция, плод долгих подготовительных восстаний, бунтов, жакерий, должна быть бурной.

Как первоклассный историк, он знает, что были - жакерии, пожары замков, амбаров, урожаев, грабежи, «выборы при помощи дубин», убийства сеньоров. Для него - «кровь народа прольется не даром, если слово экспроприация вырвется в день революции из всех уст», если экспроприация «перейдет из теории в практику». Он знает, наконец, что «народный инстинкт не ошибается».

Там, где народ, где трудящиеся массы творят новое дело и разбивают в дребезги недавно несокрушимый идол права - там не страшны никакие жертвы. В этом естественном, выношенном ценой долгих страданий, взрыве народной воли - не может быть имморализма, не может быть несправедливого. Великан, выпрямляя годами согнутую спину, может толкнуть пигмеев, державших его в цепях.

И потому постулаты революции - напоены всегда бесспорным нравственным смыслом, измеряемым не критериями субъективной совести, но всенародным, соборным сознанием правоты.

И, конечно, ни размеры, ни глубина революционного взрыва, никакие стихии разрушения не могли бы возмутить дух старого революционера. Его смутило другое.

Революция шла и вновь создались пастыри и стадо, просвещенный и просветительный центр и дикий мятущийся хаос... Вновь, как прежде, над огромной разбушевавшейся стихией, горевшей революционным пламенем, простерлась рука - устрояющая, милующая, карающая. Вновь, как всегда, революционный пожар стал кошмаром патентованных революционеров. И лихорадочно стали возводить плотины против рвавших все волн народной воли, стали наспех водружать иконы на место свергнутых старых, чтобы научить нужному благоговению непослушные народные массы...

Кропоткину было ясно все это уже с тех первых шагов революции, когда закладывались первые камни партийных